

Кораблёва В.Н. ©

К. философ. н., доц., докторант, кафедра философии гуманитарных наук,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ЦИНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТЕРЖЕНЬ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

Исследуется цинизм как мировоззренческая стратегия в условиях индивидуализированного общества. Реифицирующий потенциал цинизма как идеологии легитимирует социальный эскапизм, предлагая индивиду позицию «просвещенного наблюдателя», предполагающую дистанцирование от социальных реалий, апатию и бездействие.

Ключевые слова: цинизм, социальный эскапизм, идеология, реификация, социальная анемия.

Keywords: cynicism, social escapism, ideology, reification, social anemia.

Современное общество наделяется многими маркерами и атрибутами, среди прочих, исследователями отмечается всепроникающая критичность как некий знак времени, общая тенденция подвергания сомнению всего и вся. Закат «больших» традиций, разрушение метанарративов, всеобщая рассинхронизация систем темпоральности, да и систем жизненных координат в целом, – всё это создает некую мировоззренческую моду на нигилизм, моральный релятивизм, цинизм. Общество больше не рассматривается как «комод из красного дерева» с множеством ящиков, в котором каждому индивиду отведено строго определенное место, автоматически предписывающее мировоззренческие и поведенческие нормативы, которым ему должно следовать. Фрагментация социальной структуры превратила индивида в «свободный радикал», вынужденный вступать в различные ассоциации и свободно выбирать себе жизненные стратегии. З. Бауман обозначил эту ситуацию как «террор полной свободы», когда люди обречены на свободу выбора, для которой они не имеют необходимых ресурсов и компетентностей. Каждый является индивидом *de jure*, но не каждый способен стать им *de facto*: «Многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями, и еще больше таких, кто страдает от ощущения, что пока не доросли до статуса личности, позволяющего отвечать за последствия индивидуализации» [1, 133].

В такой ситуации получают распространение ирония, скепсис, цинизм. Как отмечает П. Слотердаик, циники как оппоненты существующей культуре, контр-агенты существовали всегда, особенность современного цинизма заключается в том, что он приобрел массовый характер [5]. Значительный разрыв между должным и наличествующим обнажил невозможность органичного сплетения высоких жизненных идеалов и социальной конъюнктуры. Люди превратились в «двойных агентов» (П. Слотердаик), усвоивших в процессе социализации этические нормы и идеалы, но в повседневной жизни руководствующихся прагматичными соображениями. Конфликт нормативных и прагматичных прескрипций приводит к невротическому разрыву внутри современной личности, которая оказывается перед трагическим выбором между социальной успешностью и чувством вины. Цинизм как жизненная стратегия способен нивелировать травматизм данного выбора через отвержение абсолютных ценностей, оспаривая возможность их «предательства».

Наиболее полное осмысление цинизма как мировоззренческой позиции в современной философии предложено П. Слотердаиком, называющим себя «неокиником». Существует пласт историко-философской литературы, посвященной античному кинизму (В.Ф. Асмус, Г. Дильс, А.Ф. Лосев, И.М. Нахов, Б. Рассел, А.Н. Чанышев и др.). Цинизм как моральный феномен рассматривается в рамках этической традиции («Ирония. Прощение» В. Янкевичича). Цинизм как ключевая черта философских построений Ф. Ницше и П. Слотердайка стал объектом исследования в ряде историко-философских изысканий (С. Зоргнер, К. Лёвит, А. Макинтайр, Б.В. Марков, А.В. Перцев, К.А. Свасьян, С. ван Туйнен, К. Ясперс и др.). Однако идеологическая составляющая цинизма как мировоззренческой стратегии практически не исследована. В такой постановке проблемы актуализирован корпус литературы, принадлежащей к идеологическому дискурсу: Л. Альтюссер, Т.А. ван Дейк, А. Гоулднер, Л.В. Губерский, Т. Иглтон, С. Жижек, К. Маркс, Дж.Б. Томпсон, А.Р. Тузиков, С. Холл и др. Примыкает к теме исследования ряд работ, посвященных специфике современного общества в антропологической перспективе: З. Бауман, У. Бек, Г. Дебор, П. Друкер, М. Кастельс, Г. Маркузе, А. Тоффлер, Э. Фромм, С. Хантингтон и др. Вместе с тем, в предложенном

ракурсе проблема цинизма как идеологического стержня современного общества, маркированного как индивидуализированное, постмодерное, фрагментированное, сетевое, текучее, общество риска, спектакля и т.д., не стала предметом анализа.

Целью данного исследования является выявление идеологического характера цинизма как мировоззренческой стратегии, которая в современном обществе предстает наиболее распространенной идеологической микропрактикой, выступающей проекцией и результатом актуальных социальных тенденций. **Гипотеза** исследования состоит в том, что сущностью обозначенной стратегии является позиция «просвещенного наблюдателя», снимающего с себя социальную ответственность, что в поведенческой плоскости предстает разновидностью социального эскапизма.

История европейской цивилизации – это история *нарастающей эмансипации*, развернутой под флагами Просвещения. Разрушение монолитной общественной структуры, цементированной верой в трансцендентное, обозначилось *последовательной автономизацией* политики (Н. Маккиавелли), экономики (А. Смит, К. Маркс), общественной жизни (О. Конт, Э. Дюркгейм), индивидов от общества и друг от друга (З. Бауман). Провозглашенные в контексте Великой французской революции идеалы свободы, равенства и братства вкупе с лозунгом «Долой власть стариков!» привели к краху авторитета традиции и становлению индивидуализированного перmissive общества, в котором *свобода обернулась безразличием и вседозволенностью*. По меткому замечанию М.Д. Култаевой, в последние десятилетия происходит злоупотребление понятием свободы, вследствие чего оно теряет свою жизненную силу, превращаясь в идеологему, а в худшем случае в «фирменный лейбл мышления, которое пытается презентовать себя на рынке идей как современное и антитоталитарное» [3, 80]. В самом деле, свобода – это не только дар, выделяющий нас из животного мира и стоящий выше всяких ценностей, ибо не подлежит процедуре оценивания (А.А. Мамалуй), но и вызов, ответственность, ставящая нас перед перманентным выбором. Как отмечает К. Ясперс, свобода – это процессуальность: «с точки зрения настоящего, человек никогда не является свободным, поскольку должен вновь и вновь им становиться» [9, 328].

Поэтому повседневный *опыт свободы* как *результата эмансипации* существенно отличается от свободы как Священного Грааля, недостижимого идеала общественно-политических движений. В этом контексте актуализируется идея «*культуры свободы*», понимаемой как добровольное самоограничение с целью общего благополучия и поиска альтернатив потребительскому обществу (О.Ф. Больнов, У. Бек, А. Гелер, Ди Фабио, Н. Элиас). Особое внимание в данном контексте уделяется моральному аспекту. Утверждается, что мораль и чувство собственного достоинства должны остановить человека перед искушениями испытывать общечеловеческие ценности на прочность и защитить человека от мировоззренческого нигилизма [3, 87]. Таким образом, цинизм противопоставляется культуре свободы и рассматривается как непродуктивная стратегия в обществе риска. Как отмечает Ди Фабио: «Развитие современной личности лишь тогда является успешным, когда вместе с моральной компетентностью возрастает способность суверенно относиться к общественным ценностям, которые становятся исходными моментами самоописания и самонаблюдения» [7, 66]. Своеобразным рефреном звучит мысль представителя другой философской традиции, лаканомарксиста С. Жижека: «Абсолютный цинизм – это изначально неверная, нежизнеспособная позиция. Даже Сталин наверняка был не до конца циничным человеком» [4].

В чем же идеологичность цинизма как жизненной позиции? Прежде всего, стоит отметить, что идеологию следует понимать шире и разнообразнее, чем зачастую принято в отечественном обществоведении. И дело не только в дискредитации (во многом теоретически не оправданной) марксистской доктрины в целом, но, прежде всего, в том, что концепт идеологии как ложного сознания, отражающего классовые интересы, нерелевантен современному состоянию общества, нечувствительного к классовому делению как таковому. Трансформации социальной структуры, ее диверсификация, дробление и умножение требуют новых теоретических инструментов, позволяющих описать *новые микрополитики идентичности*.

Идеология рассматривается нами как *символическая конструкция*, задающая модели восприятия и интерпретации реальности, а также социального действия. Это организованная *система ценностей и смыслов*, внешняя по отношению к человеку, если угодно – «мировоззрение напрокат». Подобное истолкование идеологии позволяет рассмотреть цинизм как разновидность идеологии в эпоху, артикулированную как «постидеологическая». Стоит отметить, что декларации «конца идеологии» могут быть интерпретированы как попытки ее саморастворения. Безусловно, идеология как разновидность гранднарратива претерпела существенные изменения в современных условиях, однако, думается, речь идет не столько об исчезновении идеологии как таковой, сколько о

новых формах ее существования – *пролиферации идеологий и идеологов*, а также их репрезентации на микросоциальных уровнях. Представляется, что именно цинизм предстает точкой фокусировки множественных идеологий и идеологов в условиях индивидуализированного общества «текучей современности».

Вынесенный в название публикации концепт индивидуализированного общества также требует отдельных ремарок. Для его автора, З. Баумана, он является своеобразной «точкой сборки» гетерогенных по своей природе актуальных явлений, ведь речь идет не только об автономизации индивида, но и об автономизации хозяйственной деятельности, нарастающей непредсказуемости и непрогнозируемости будущего, о трансформации пространственно-временных координат в их социальном преломлении в целом (с особым акцентом автора на новой темпоральности) и т.д. Предложенный концепт представляется авторской альтернативой концепту «общество риска» У. Бека (который, впрочем, З. Бауман также активно использует), далеким от своих повседневных коннотаций на уровне здравого смысла. В самом деле, индивидуализация, под которой интуитивно понимается возрастание роли индивидуального фактора, повышение влияния индивида на собственную судьбу, самовольное выстраивание жизненной траектории, – у З. Баумана оборачивается констатацией беспомощности человека перед лицом современных социальных тенденций, где понятие «индивидуализация» указывает, в первую очередь, на фрагментацию социальной структуры, в которой индивиды, а не классы или даже социальные группы теперь выступают элементарной единицей, при этом действие надиндивидуальных сил сохраняется в полном объеме. Британский мыслитель констатирует, что обозначенные тенденции оборачиваются девальвацией традиционных смыслов, что напрямую выводит нас на проблему цинизма.

Борьба внутри т.н. «цивилизованного мира» с фундаментализмом – прежде всего, культурным, являющаяся знаковым событием постколониального мира, обернулась культурным, а вслед за ним, и *моральным релятивизмом*. Идеалы толерантности и мультикультурализма, призывающие не навязывать свои воззрения и ценности, пестовать разнообразие и с уважением относиться к инаковости, привели к безразличию и апатии, боязни высказывать (да и вообще иметь) собственную точку зрения. Лениность мышления «одномерного человека» (Г. Маркузе), производимая средствами массовой информации – на фоне страха получить ярлык «фундаменталиста» и ретрограда – создала гиперспрос на типовое «мировоззрение под ключ», поставляемое идеологиями. Как отмечает З. Бауман, «торговля жизненными смыслами – это самый конкурентоспособный из рынков» [1, 5]. В результате было создано *релятивизированное общество микрополитик идентичности, лишённое универсальных эталонов*. Складывается горизонтальная сеть властных отношений, где «каждый угнетен, но никто не угнетает» [2, 216]. При этом сохраняется экономическое подавление, не нуждающееся в символическом опосредовании. Бизнес-элита не испытывает потребности в идеологической легитимации своих претензий и действий. По меткому замечанию Ф. Джеймисона, «безликие хозяева продолжают менять экономические стратегии, ограничивающие наше существование, но им уже не нужно выражать это в речи» [8, 65].

В этой ситуации *конформизму «рядовых граждан» противостоит цинизм «просвещенной публики»*, которая достаточно умна и образованна, чтобы не поглощать бездумно идеологический трэш масс-медиа, но при этом недостаточно пассионарна для бунтов в духе 60-х годов XX ст. Критика идеологии в марксистской традиции предполагает двушаговый алгоритм: выявление идеологических искажений реальности и последующий ряд действий по исправлению ситуации. В этом смысле цинизм предстает застреванием посередине: циник выявляет искажения, но не предпринимает никаких действий. Циничное мировоззрение предполагает дистанцирование от ситуации, это позиция отстраненного наблюдателя. Циник наслаждается своей маргинальностью, интерпретируя ее как внеположенность толпе, индивидуальность, исключительность (самоисключенность). Такая позиция позволяет ощущать собственное превосходство: я – не все, я не дам себя обмануть. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, вскрывая действие навязываемой идеологии, циник заменяет ее собственной иллюзией, ведь превосходство иллюзорно, это лишь *психологическая компенсация социальной импотенции*. В такой интерпретации цинизм предстает *идеологией социального эскапизма* – ухода от проблем, воздержания от действий.

Культ свободы слова на фоне политической апатии приводит к полной замене действий словами. Можно констатировать, что *дискурс поглотил актора*: место атак на идеологию в политическом/социальном поле заняли бесконечные и бесплодные дискурсивные нападки, высмеивания себе подобных. Место восторженного, пассионарного современного субъекта занял *анемичный субъект постсовременности*, утративший способность желать и чувствовать. Цинизм – его жизненная стратегия, призванная маскировать отсутствие какой бы то ни было стратегии.

Д. Бэлл в работе «Конец идеологии» утверждает, что в обществе эпохи постидеологии идеи более не являются «социальными рычагами». Идеология утратила способность мотивировать и мобилизовать субъектов в связи с утратой утопического потенциала. По мысли Д. Бэлла, «лучшее будущее невозможно представить» [6]. Благодаря высокой общей удовлетворенности (достигнутой благодаря темпам роста производства и понимаемой как удовлетворенность товарами и услугами), люди настолько довольны своей жизнью, что намерены постоянно переживать нескончаемое настоящее. Представляется, что ситуация диаметрально противоположна. Становление общества потребления сопровождалось бурным производством потребностей, поддерживающим производство товаров. Маркетинг и реклама (расходы на которые сегодня составляют до 80% итоговой цены товара) побуждают потенциального потребителя захотеть, а затем приобрести товар. Анти-аскеза и непрерывное потребление есть необходимое ментальное основание рыночного общества. (Вспоминается сократовское «Как же много на свете вещей, без которых можно обойтись!».) Реклама как форма социального контроля – через создание «нужных» потребностей – влияет на сознание и поведение индивидов. Цинизм ситуации заключается в том, что индивиды в консуматорном обществе отдают себе отчет в происходящем, принимая такие правила игры. Но, по выражению С. Лури, «то, что они думают, и то, что хотят, чтобы они думали, руководители рекламных кампаний, очень часто совпадает» [10, 70].

Пролиферация потребностей приводит к атрофированию собственного продуцирования желаний: индивид утрачивает способность формировать желания, не подкрепляемые извне средствами массовой информации. Так *место социальной аномии* (безнормности) *занимает социальная анемия* (отсутствие желаний). Формируемая социальная масса как «черная дыра социального» (Ж. Бодрийяр), действительно, не нуждается в идеологической, символически опосредованной манипуляции, что определенным образом подтверждает выводы Д. Бэлла, правда, подкрепляя их совсем иной аргументацией. Теперь особая ответственность ложится на тех, кто «выпадает» за рамки сложившейся системы, не желая быть «одномерным человеком» – тех, кто признает себя циником, вынося за скобки сложившейся ситуации. В таком контексте цинизм предстает снятием с себя ответственности, заменой сложности деятельности удобством соглашательства. Циничное мировоззрение подвержено признанию сложившейся ситуации закономерной и неизбежной, что и есть идеологической процедурой реификации, представления условного безусловным. И именно цинизм предстает возможным стержнем, на который накручиваются слабо структурированные феномены и процессы, собираемые баумановским концептом «индивидуализированного общества».

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Грëнинг С. «Южный парк»: цинизм и другие постидеологические полумеры / Пер. с англ. К. Колкуновой // Логос. – 2012. – № 2 [86]. – С. 215-233.
3. Култаева М. Філософсько-антропологічне обґрунтування культури свободи та його освітні імплікації (теоретичний досвід сучасної німецької філософської думки) // Філософія освіти. – 2009. – № 8. – С. 80-98.
4. Палванзаде Ф. Философ Славой Жижек: «Абсолютный цинизм – это изначально нежизнеспособная позиция» / Интервью : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoryandpractice.ru/posts/5280>.
5. Слотердаик П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А.В. Перцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал, унта, 2001. – 584 с.
6. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – N.Y., 1962. – P. 370-375.
7. Di Fabio. Kultur der Freiheit. – München, 2005.
8. Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. – August 1984. – Vol. 146. – P. 65.
9. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. – München, 1994.
10. Lury C. Consumer Culture. – 2nd ed. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 244 p.